Татьяна Алюшина

Один день из жизни Танечки

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Родилась я в курортном городе, похожем на редкую жемчужину. Он раскинулся на трех величественно огромных холмах, спускающихся с высоты горного плато к самому морю, что и определило его непростую и интересную архитектуру – перепады высот, сплошные опорно-подпорные каменные стены и здания, замысловато вписанные в этот ландшафт. Крыши двухэтажных зданий порой равнялись с проходящей выше них дорогой.

Дом, в который меня принесли из роддома и где прошли первые семь лет моей жизни, так и вовсе был причудливо замысловат, даже с перебором…»

- Татьяна Алюшина
  - ○

Татьяна Алюшина
Один день из жизни Танечки

Родилась я в курортном городе, похожем на редкую жемчужину. Он раскинулся на трех величественно огромных холмах, спускающихся с высоты горного плато к самому морю, что и определило его непростую и интересную архитектуру – перепады высот, сплошные опорно-подпорные каменные стены и здания, замысловато вписанные в этот ландшафт. Крыши двухэтажных зданий порой равнялись с проходящей выше них дорогой.

Дом, в который меня принесли из роддома и где прошли первые семь лет моей жизни, так и вовсе был причудливо замысловат, даже с перебором.

Располагался он рядом с центральной дорогой, проходящей через весь город. Ну, как рядом – то есть совсем рядом: вот дорога, впритык к ней тротуар метра два, а прямо от него десять каменных ступенек с хлипкими железными перильцами вели на небольшую асфальтированную площадочку, метров пятидесяти квадратных. Если, поднявшись по ступенькам, стоять спиной к дороге, то справа находилось нечто вроде узкого газона, на котором росли деревья и кусты, за ним, метров через пять или шесть, начинался кованый полукруглый заборчик с каменными тумбами и остатками декоративных вазонов в греческом стиле с фиолетовыми петушками и какими-то еще цветочками. А слева, в неком подобии полуовального алькова, спрятавшись в зелени, стояла большая деревянная скамейка с чугунными ножками и гнутой спинкой.

Ну а прямо – вот оно, собственно, и само здание. Вернее третий его этаж (второй и первый этажи находились ниже уровня дороги и с нее не просматривались).

Большой старинный дом, возведенный еще задолго до намека на революцию семнадцатого года, то есть еще в позапрошлом, девятнадцатом веке, принадлежал некоему купцу и выполнял функцию доходного дома, а потому был разделен на множество отдельных комнат, которые сдавались жильцам в длительную аренду.

Итак, поднявшись на две ступеньки от описанной уже площадки, вы попадали на широкий деревянный настил, являвшийся одновременно мостиком, под которым находился вход на второй этаж. А пройдя мостик, оказывались в большом деревянном застекленном эркере под крышей, нечто вроде

пристроенной веранды с длинной скамейкой у стены. Эркер раньше служил чем-то вроде удобной общей прихожей с калошницей и держателями для зонтиков, но теперь в простоте коммунального советского жилья уже не нес особой функциональной нагрузки. Из него можно было пройти в само помещение. Из пристроек на здании имелась еще огромная длинная и тоже застекленная веранда на третьем этаже позади здания и небольшой балкончик с левого торца.

Наш. В том смысле, что комната, в которой проживала наша семья, как раз и имела в виде дополнения этот балкончик. И поверьте, много чего случалось на том балкончике эпохального в нашей жизни, особенно для нас с сестрой.

Дом был коммунальным, но года четыре назад всех жильцов из него расселили, а само здание собрались сносить, чтобы на его месте выстроить высотку. И очень жаль, потому что это поистине уникальный памятник архитектуры.

Но вернемся к рассказу. Имелся у дома и двор.

Не просто двор, а Двор с большой буквы, в который надо было еще попасть! Для чего от ступенек следовало повернуть налево, пройти пару шагов, и тут начинался довольно крутой асфальтированный спуск между двумя домами, ведущий в тот самый двор и к входам на второй и первый этажи.

И вот Он!

Большущий, загадочный, словно включающий в себя целый таинственный мир! С круглым фонтаном, разумеется, давно раздолбанным всеми войнами и революциями, чаша которого была засыпана землей! Со старыми деревьями и остатками некогда величественной аллеи, с разросшимися кустами сирени и жимолости, кипарисами и огромными, сказочно пахнущими по весне каштанами, с тайными местами в зарослях, со сливами и вишнями, не успевающими вызреть из-за набегов детворы, и главное – с огромными, неисчерпаемыми возможностями для детских исследований.

С левой стороны расположились ряды сараев нашего дома, с правой, в глубине двора, ряды сараев дома соседнего. Их было много, по числу комнат, и в каждом имелась довольно глубокая яма для угля. Ибо все меняется в жизни, а уголь, как выясняется, вечен. Центрального отопления у нас не было, зато, как и два века назад, в каждой из комнат дома имелась печь.

Вот в этот самый дом, в шестнадцатиметровую комнату с эксклюзивным балкончиком, родители и принесли меня из роддома.

Надо сказать, что с первых же часов моего рождения мама поняла, что с этим ребенком она натерпится и хлебнет ой-ёй-ёй!

Что я и не замедлила продемонстрировать.

Для начала состояние туго спеленутого кулька, в котором принято было во времена моего младенчества держать всех новорожденных, меня лично не устраивало категорически. Я кряхтела, пыхтела, извивалась и краснела от натуги, но минут через пять после пеленания уже умудрялась каким-то непостижимым образом высвободить ручки, а за ними и ножки. Что только родители не предпринимали первое время – и запеленывали с особой тщательностью, и завязывали поверх бантами, а потом и скрученными в жгут пеленками – бесполезняк! Ну, завязали – и что? Теперь дите тратило на освобождение не пять минут, а десять, краснея от усердия и натуги еще пуще прежнего, и все дела!

Участковый детский врач и приходящая на осмотр младенца перинатальная медсестра в один голос строго требовали: ребенок должен быть плотно запеленутым! Так положено, и все! Это основное правило педиатрии!

«Ага!» – согласилась с ними мама, мысленно послав всю медицину куда подальше: спокойно смотреть на то, как ее ребенок мучается, выбираясь из этих смирительных оков, она не собиралась. Хочешь свободы, доченька, – на!

И ребенок таки взял столько, сколько мог, – то есть полной ложкой и еще немного! И теперь главной задачей всей семьи стала одна забота: ни на мгновение не оставлять свободолюбивого младенца без присмотра! Новое состояние мне нравилось необычайно, и дитя принялось активно изучать мир под девизом «Ни секунды покоя!» – вертелось, крутилось, ползало, перекатывалось – и все с улыбкой и в полное свое удовольствие.

Вот с этого все мучения моей семьи и начались.

Я была вечно взрывающимся тротилом, хаосом, несущимся потоком и землетрясением одновременно! Мне невероятно, до не знаю чего сильно-сильно, аж вот так! – было интересно все вокруг и обязательно надо было везде залезть, встрять, все разузнать, успеть в тридцать три места одновременно, всюду сунуть свой нос, поучаствовать, проверить экспериментально на себе методом шишек и травм, придумать интересные игры и аферы, вовлечь в них кучу народу и носиться на этой своей свободе бесконечно!

Семья стонала! Больше всего от моей активности доставалось, разумеется, маме, но и старшей сестрице Светлане пришлось немало нахлебаться от моей кипучей неугомонности. Ей со мной вообще не очень повезло: когда мы отправлялись гулять во двор, ее заставляли присматривать «за младшей», строго-настрого приказывая не выпускать меня из поля зрения ни

на минуту, и доставалось ей по первое число, если я умудрялась вляпаться в приключения, а она не успевала остановить. А вляпывалась я, надо заметить, с завидной регулярностью, и остановить меня или уследить за мной было невозможно, как невозможно остановить стихийное бедствие.

Природа, что с нее возьмешь!

Пару раз моя сестра реально спасла мне жизнь, за что ей великое от меня спасибо, ибо жить мне нравится до сих пор.

Про один такой день моей детской жизни я и хочу рассказать.

Мне было пять с половиной лет, мы всей семьей торжественно собирались идти в гости к нашей бабушке, у которой был день рождения, совпавший с выходным у родителей и у всей страны заодно.

Самое начало июня, но уже несколько дней припекала жара, словно напоминая, что горячее лето на пороге. После завтрака нас с сестрицей на пару часиков, до того, как пора будет собираться в гости, отпустили погулять.

Во дворе мы сразу разбежались в разные стороны: она – в свою компанию постарше, а я – в свою к пацанам помладше. Мальчишки взахлеб рассказывали о большом белом иностранческом корабле, который стоял в порту, ну и Танечка тут же принялась делиться впечатлениями, как они вчера ходили гулять на набережную и смотрели этот пароход…

Он был не просто большой – громадный! Как здоровенный белый дом, который уложили на бок на воду и пришвартовали к причалу! Краси-и-и-вый!

Я запрокидывала голову и, открыв рот, зачарованно смотрела на это заморское чудо, да так, что чуть не упала. Папа, рассмеявшись, подхватил меня на руки и посадил на плечи, и так, сидя высоко-высоко, я рассмотрела трубу корабля, на которой был нарисован непонятный цветной флаг той страны, откуда приплыло судно…

– Ну и что, что ты вчера смотрела? – обиженно перебил мой восторженный рассказ Колька и похвастался:

– Зато мы сегодня с Лешкиным папой дядь Игорем идем смотреть, как корабль отплывать будет!

– Как?! – ахнула девочка Танечка. – А как же я?

Действительно: а как же столь эпохальное событие и без меня?!!

– А ты пойдешь на день рождения к бабушке! – рассмеялся Лешка, и другие ребята рассмеялись следом.

К бабушке тоже хотелось, там будет здорово: праздничный стол со всякими вкусностями, и у нее двор тоже есть, не такой, понятное дело, большой и приспособленный для захватывающих

приключений, как наш, но тоже ничего, и парочка ребят там для игр найдется, но… Но отплытие корабля! Это же ого-го, что такое!

Мы чуть не поссорились с мальчишками, но тут кто-то предложил поиграть в догонялки, и ссориться мы решили попозже.

А вскоре мама лично спустилась во двор и увела нас с сестрой собираться в гости. И это, надо сказать, был процесс. Вернее, собирались-то они с папой быстро, а вот чтобы одеть-собрать младшую дочь, приходилось постараться. Ну не могла я стоять неподвижно на месте и выполнять только одно дело, например надевать гольфы – в этот же момент можно было что-то рассказывать, подкрепляя слова жестами, а еще вертеться и отвлекаться на недорисованную картинку и…

Словом, мама ставила меня перед собой, строгим-престрогим голосом приказывала делать только то, что она скажет, и стремительно наряжала.

В конце концов меня, всю такую прекрасную – в наглаженном выходном платьице, в белых гольфиках и новых белых сандаликах, с большим белым бантом на жидких коротких волосюшках, вывели на крыльцо и самым наистрожайшим образом приказали ждать остальных.

– Не смей спускаться по ступенькам. Будь здесь, – еще раз повторила мама, поправляя бант у меня на голове. – Через пятнадцать минут мы все соберемся и пойдем к бабушке. Поняла?

– Да, – самым честным образом кивнула я.

Успокоенная мама отправилась наряжать сестрицу и собираться сама.

Тут по тротуару, мимо запретных для меня ступенек, прошли мальчишки и Лешкин папа, который вел их смотреть, как отчаливает огромный, загадочный белый корабль!

Я забралась коленками на скамейку, через кусты смотрела им вслед, и мое детское сердечко разрывалась от невозможности выбора и такой ужасной, жестокой несправедливости, что прекрасный кораблик уйдет без меня…

Решение созрело в моей голове мгновенно! Сначала я было подумала предупредить родителей, но прикинула, что вряд ли они обрадуются такой инициативе, а после подумала, что пятнадцать минут – уйма времени, и если я быстро-быстро сбегаю на море и посмотрю на корабль хоть одним глазком, никто и не заметит, что я куда-то уходила.

Дети отличаются от взрослых тем, что не подвергают сомнениям принимаемые решения, а действуют. Что я и сделала.

Правда, с грохотом скатившись со ступенек на тротуар, я

запоздало и очень не вовремя вспомнила, что, во-первых, нам с сестрой, и особенно мне, категорически запрещалось уходить одним дальше дома и двора и уж тем более на море! А во-вторых, что мама наистрожайше запретила мне даже с площадки спускаться. Ну, по второму пункту я уже вроде как разобралась с совестью, решив, что никто и не заметит, а по первому – так я сейчас мальчишек догоню, а они с дядь Игорем, значит, я буду со знакомым взрослым…

И приободренная таким образом, я рванула со всей возможной скоростью.

Надо сказать, что от нашего дома до моря было минут десять спокойного шага: направо от ступенек метров пять, еще раз направо по ступенькам вниз, переулками между не менее старинными, чем наш, домами и дворами к Дому пионеров, а от него вниз по небольшой улочке прямо на набережную; ну а бегом так и совсем быстро.

Мальчишек с Лешкиным папой я не догнала, может, они пошли другой дорогой, но сей факт меня не остановил, и прибежала я на набережную аккурат в тот момент, когда маленький катерок-тягач выводил из акватории на простор белую махину заморского парохода.

Я шустренько спустилась на нижнюю набережную, но посмотреть на это величественное зрелище собралась целая толпа, и протолкнуться между людьми у меня никак не получалось. Тогда я уселась на скамейку, торопливо стащила с себя сандалики и гольфы, затем, держа их в руках, протолкалась через людей и спустилась совсем уж на самый нижний предел набережной, где плескалось сантиметров десять прогретой на солнце, почти горячей морской воды. Поросший зелеными нашлепками мелких водорослей бетон приятно щекотал ступни, вода была теплой и нежной. Солнце слепило глаза, отражаясь зайчиками от морской волны, а белый пароход медленно и величественно уходил все дальше и дальше. В этот момент я чувствовала себя счастливой. И тут какой-то мальчишка из толпы от избытка чувств закричал: «Ура-а-а!»

– Ура-а-а! – присоединилась я к его радости.

И замахала руками, в которых держала сандалики и гольфы; они белыми флагами затрепетали на ветру, люди рассмеялись, а я от полноты чувств запрыгала на месте и… поскользнулась и грохнулась на попу прямо в теплый склизкий от водорослей рассол. И сидя в этой луже, увидела, как плавают возле меня гольфики.

– Ой! – пискнула девочка Таня и тут же поняла, что натворила.

Быстренько вскочив, я осмотрела себя, как могла, оценивая нанесенный ущерб: платье до пояса мокрое, да еще немного зеленое сзади, и трусишки мокрые, и… – охо-хо! – гольфики и сандалики тоже мокрые. Ладно, что уж теперь! Я обула сандалии, решив, что они высохнут и на мне, а слегка позеленевшие, в каких-то бурых пятнах белые гольфы решила сушить на ходу, как и платье с трусами.

И побежала обратно, только на этот раз еще быстрее.

И все бы, наверное, было хорошо и обязательно получилось бы исправить нанесенный наряду ущерб, и везде бы я успела, но коварная судьба-злодейка поджидала меня в лице мальчика Вити из соседнего двора…

Когда до дома оставалось совсем чуть-чуть – один поворот, ступеньки, пять метров тротуара, и вот он, дом родной! – я почти столкнулась с Витькой, явно куда-то торопившимся.

– Ты куда? – поинтересовалась я, в самую последнюю секунду умудрившись избежать столкновения.

– Куликовым уголь привезли, вот такие глыбины! – и он показал руками впечатляющий размер камней и тут же предложил: – Побежали, вместе посмотрим. Там уже все наши!

Это было очень серьезное предложение! Очень! Ведь каждому известно, даже малолеткам сопливым, что, чем крупнее угольный камень, тем больше шансов найти на нем отпечатки доисторических растений и даже каких-то чудных животных! Но большие камни не часто попадаются, а чтобы такие, как Витька показал, так и вовсе редкость небывалая! Понятно, почему они всей ватагой побежали в нем копаться.

Я вздохнула тягостно: мне бы домой, пока не заметили самовольную отлучку, но с другой стороны… И девочка Таня прикинула, что вообще-то она не так уж долго бегала на море, пятнадцать минут вряд ли прошли, так что ничего страшного, если совсем-совсем ненадолго отлучиться, на пару камешков глянуть…

– Пошли, только быстро! – решила я.

Сандалии и гольфы я заботливо разложила на солнышке досыхать и, успев напомнить себе, что платье не стоит пачкать, ринулась на угольную кучу, где уже копались муравьями ребята всего соседнего двора.

Ископаемых на камнях я не нашла, и вспомнила про то, что меня ждут, когда проводила археологические исследования уже четвертого здоровенного куска угля и только потому, что мама Вити позвала его домой.

Ну и мне пора!

К тому времени Свете уже пришлось накрутить пару кругов

по двору, забраться во все наши штабные тайные места, обойти моих друзей, пытаясь найти потерявшуюся сестрицу, а родители успели не на шутку испугаться. И в этот кульминационный момент, когда они втроем обсуждали, где еще можно меня искать, появилась Танечка собственной чудной персоной.

Картина маслом была такова: по мере моего восхождения по лестнице – сначала появилась голова с пропотевшими спутанными волосами, на которых где-то сбоку из последней возможности держался чудом не потерявшийся бант, бессильно распустив траурно почерневшие на концах ленты. Затем появилось туловище до талии и вполне, надо заметить, чистая часть платья, хотя и несколько утратившая свежесть и белизну… Наконец на площадку поднялась и вся Танечка, и перед взорами семьи предстала законченная картина: черные по локоть руки держали две непонятные, измазанные чем-то буро-черным тряпочки, подол платья был перепачкан, на грязных ногах красовались некогда белые, а теперь мокрые, черно-зелено-коричневые сандалики, ступни были совершенно черного цвета.

Левитан с Репиным отдыхают!

– Пятнадцать минут ведь еще не прошло? – осторожненько спросило явление у обалдевших родителей и, на всякий случай, втянув голову в плечи, развело руками с зажатыми в них гольфами.

Тряпочки гольфиков понуро колыхнулись, уже не ожидая ничего хорошего от этой жизни.

– Ты где была?! – хлопнула от негодования руками мама.

Вздохнув, я честно и подробно рассказала, где была и что делала.

Конечно, я ужасно опоздала, нарушив все страшные запреты, и, конечно, девочку Таню наказали. Ну а как иначе, все закономерно.

Папу со Светой мама отправила к бабушке, обещав присоединиться к ним после того, как разберется тут со мной, и они ушли, а меня мама повела отмывать, переодевать и по ходу перечисляла мои проступки и преступления.

Проступков набралось много: тут и нарушение наистрожайшего запрета уходить от дома, и копание в угле – как ни странно, это тоже не приветствовалось, хотя оценивалось менее строго, чем одиночные прогулки неизвестно где. Но главный мой проступок состоял в том, что я ужасно напугала и расстроила родителей.

Сестрица Светлана в составе напуганных не упоминалась, подозреваю, потому, что в те времена нашего далекого детства она бы только порадовалась такому исчезновению. Я бы на ее

месте, наверное, тоже порадовалась бы, уж больно часто ей из-за меня перепадало.

Мама меня отмыла, переодела в домашнее, накормила и поставила в угол, четким суровым голосом огласив приговор:

– Значит, так. Простоишь в углу пятнадцать минут: ровно столько, сколько должна была ждать нас на крыльце. Вот, – сказала она и поставила на кухонный столик большой будильник. – Смотри: когда вот эта стрелка будет вот здесь, – показала она и пояснила: – Это чтобы ты поняла, сколько длятся пятнадцать минут. А также чтобы ты постояла и подумала о том, что наделала. Платьице, скорее всего, безнадежно испорчено, да и сандалики тоже, не говоря уж о гольфах. Но хуже всего твое непослушание! Подумай над своим поведением. Останешься под замком, пока мы не вернемся, Надежда Борисовна будет заходить тебя проверять. Горшок под кроватью, водичка, если захочешь пить, в чашке. Можешь рисовать и смотреть книжки.

Вот так. Она меня даже не обняла и не поцеловала, а это значило, что я очень, ну очень напортачила.

Мама ушла, а я честно осталась стоять в углу.

Сначала я все поворачивала голову и поглядывала на будильник, но стрелки никак не хотели двигаться и, вздохнув тягостно, я отворачивалась и принималась ворчать.

И что они говорят, что я опоздала? Это же очень-очень долго – пятнадцать минут, вон идут-идут и никак проходить не хотят! И я снова смотрела на часы, где стрелка еле-еле переползла на очередное деление.

И, в который раз тягостно вздохнув, наша Танечка решила заняться делом. Не просто так тут стоять. С углом этим между печкой и стенкой мы были старыми приятелями, поскольку стоять в нем, чтобы «подумать над своим поведением», мне доводилось частенько, другой управы у мамы на меня не находилось, ибо «этот ребенок ни черта не боялся», а, скажем, «бабайки из-за угла» так и вовсе ждал для более тесного знакомства ради утоления любопытства.

Но не проводить же в бездействии те пятнадцать-двадцать минут, на которые меня там оставляли! У меня на такой случай имелся старый толстый гвоздь, припрятанный в выемке пола, а у этого гвоздя было вполне определенное предназначение, а именно – выковыривать печной кирпич, тот, что у самой стены.

Зачем, спросите вы. А затем, что ужасно интересно, что там за ним в печке находится и как дым вот так из нее наружу выходит? И вообще: интересно, и все.

Кирпич легко не давался и даже не расшатался пока. Но ничего! Не последний раз я в этом углу стою – выколупаю когда-

нибудь! – оптимистично думалось мне. Я вообще была девчушка неунывающая.

Наконец, стрелки доползли, куда им положено, и я выскочила из угла! Ура! Свобода! Походила по комнате, подумывая, чем бы еще заняться.

Села порисовала, пытаясь изобразить так поразивший меня белый корабль, который толкнул Танечку на преступный путь нарушения запретов. Получилось не так чтобы очень, явно требовалось поработать еще над композицией и качеством, но меня свербило смутное ощущение недоделанности иных, куда более важных дел. Однако в этот момент загремел ключ в замке – пришла наша соседка Надежда Борисовна.

Эта чудесная женщина частенько, как могла (в силу возраста и здоровья), помогала маме с детьми. Вот и сейчас она забрала меня к себе в комнату, напоила чаем с ватрушками, отвела в общий туалет и подождала у дверей. Потом ждала, пока я вымою руки над умывальником в кухне, и, отведя в нашу комнату, снова заперла, пообещав прийти через часок.

Ну, если пятнадцать минут это прорва времени, то час это вообще до Луны!

Я встала посреди комнаты и принялась осматриваться: так что же я не доделала? И тут увидела – о! Пианино!

Пианино появилось у нас недавно самым необычным образом.

У мамы есть старшая сестра, наша тетушка. Она живет в другом городе и работает начальником в Зелентресте. Суть характера моей тетушки – генерал! Она приказывает, вы подчиняетесь. Возражения не принимаются!

Вот таким порядком однажды в выходной день к нам в комнату постучали. Мама открыла, и тут два мужика, отодвинув ее в сторону, и поставили возле родительской кровати инструмент, сообщив, что так распорядилась начальница.

– Маша, зачем? – возмутилась мама, позвонив тете по телефону с переговорного пункта.

– Света пошла в школу, пора ей и музыкой заняться! – отрезала тетя Маша.

Пришлось сестрице тащиться в музыкальную школу. Поначалу ей даже нравилось, и она занималась, но, честно сказать, натерпелась она с этой школой всякого, пока в определенный момент не взбунтовалась и отказалась туда ходить, но это случилось гораздо позже, когда мы уже жили в другой квартире. А мама вдруг спокойно сказала: «Да и ладно, не хочешь – не мучайся!»

Мама у нас с сестрой вообще уникальная женщина.

Особенная.

Так вот про пианино у меня имелась да-а-авняя задумка!

Резонно полагая, что если все вещи старшей сестры переходили ко мне, то и пианино придется «донашивать» вместе с музыкальной школой. Поэтому нужно заранее пометить вещь как мою.

Подтянув по полу стул к инструменту, я с натугой открыла крышку, поколотила несколько минут по клавишам, слезла со стула, сходила к печке, достала свой пролетарский «инструмент» и снова забралась на стул. Присмотрелась, примерилась и, высовывая язык от усердия, принялась старательно вышкорябывать по полированной поверхности под пюпитром свои инициалы. Писать и читать я пока не умела, но буквы знала, а собственные инициалы так особенно, – вот и старалась, тщательно выводя их – должна же быть подписана вещь, как тапки в детском саду!

Как заправский художник, отстранилась, посмотрела издалека, добавила еще пару штрихов и осталась вполне довольна делом своих рук. «Так! – захлопнув крышку пианино, подумала девочка Танечка. – С этим делом справились! Что еще?»

То, что обязательно надо сделать еще нечто важное, я чувствовала, но вот только что именно… И тут я посмотрела на свой незаконченный рисунок на столе, и меня осенило! Ну, конечно! Я уже давным-давно хотела помочь маме!

Надо сказать, что наша мама невероятно много работала, просто как-то нечеловечески много. Она преподавала математику в одном из самых престижных училищ города и была классной руководительницей, но дополнительно брала учеников для репетиторства, чтобы подзаработать. А еще тащила на себе все домашние дела и много лет подряд спала часа по четыре в сутки.

Ну, доченька и решила помочь любимой мамочке.

Отодвинув рисунок с карандашами подальше, я достала из тумбочки, в которой мама держала свои книги, учебники и тетради, стопку тетрадок с контрольной работой ее учеников, нашла там же красную ручку и принялась «за работу».

Снова высовывая от усердия язык, я старательно зачеркивала какие-то значки или подчеркивала другие, повторяя мамины действия, за которыми частенько наблюдала, не забывая при этом комментировать:

«Ну, что ты тут написала? – вопрошала я возмущенно или: – А это что такое? Все неправильно!»

И черкала от души, размашисто выводя двойку или тройку, пятерки с четверками у меня тогда еще не очень хорошо получались. «Проверив» таким образов тетрадей десять, девочка

Таня решила, что вполне уже напомогалась и пора бы заняться чем-то другим. Тетрадки я аккуратно сложила стопочкой и убрала назад в тумбочку.

И уже со спокойной душой исполнившего долг человека принялась доводить до совершенства рисунок с кораблем, потом «читала» книжки – то есть рассказывала себе сказки по картинкам, попрыгала на родительской кровати, так и не сумев достать головой до потолка. Снова «почитала», когда устала прыгать. Еще пару раз приходила Надежда Борисовна, поила меня чаем с пряниками и вареньем и «прогуливала» в туалет. А скоро вернулись и родители с сестрой.

От радости я кидалась обниматься с мамой и папой, даже Светку обняла и поцеловала в щеку и в миллион первый раз обещала, что больше никогда-никогда не стану нарушать правил и обязательно-обязательно буду слушаться родителей и старших, вот честное-пречестное слово!

И счастью моему не находилось предела, а мама посмеивалась, прижимала меня к себе, гладила по голове и целовала. Мир был восстановлен, и все в моей детской жизни стало правильно и распрекрасно! Так, как и должно быть!

Я показала свой рисунок и рассказала уже подробней, как бегала смотреть на отплывающий пароход, и почему вообще убежала, и почему мокрая, и про Витьку, и про угольную археологию. Родители отчего-то так смеялись, что у них даже слезы потекли, и даже Света смеялась. А я не понимала, что такого уж веселого я рассказываю – обычный день из моей жизни, только жаль, что к бабушке на день рождения я так и не попала.

А поздно ночью, когда все семейство уже спало, мама села за стол, включила лампу, накинув на нее платок, чтобы сильно не светило на детей, достала пачку контрольных работ на проверку, открыла первую тетрадь и ахнула! Быстро пролистала, схватила следующую тетрадь, пролистала ее и так все десять штук…

Покачала головой, рассмеялась тихо, стараясь не шуметь, прикрыла глаза ладонью, облокотилась о стол и продолжала тихо посмеиваться, а из-под ее руки по щеке медленно скатилась слеза…